

УДК 159.923.2

Полина Александровна Абакумова

аспирант 2-го года обучения каф. общей и медицинской психологии
Белорусского государственного университета

Polina Abakumova

2-nd Year Postgraduate Student of the Department of General and Medical Psychology
of Belarusian State University
e-mail: Laitera@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИЧЕСКИ ОПОСРЕДСТВОВАННОГО СОЦИАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ У ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ В ПЕРИОД РАННЕЙ ВЗРОСЛОСТИ (ч. 1)

Представлены результаты эмпирического исследования символически опосредствованного социального понимания у лиц, совершивших правонарушения. Экспериментальная методика включала несколько заданий: понимание художественных текстов, тест «Чтение психического состояния по взгляду», понимание социальных ситуаций методики «Странные ситуации», задание на определение доминирующего типа установки к осознанию символа. Применялся метод квазиэксперимента, предполагающий сравнение и качественно-количественный анализ ответов испытуемых экспериментальной ($n = 35$) и контрольной ($n = 35$) групп в возрасте 20–40 лет. Выявлены прямые значимые связи между всеми заданиями экспериментальной методики. Статистически значимые различия выявлены между всеми группами по всем заданиям.

Ключевые слова: социальное понимание, символическое опосредствование, теория Другого сознания, дезадаптация.

Features of Symbolically Mediated Social Understanding in Individuals who Committed Offenses During Early Adulthood (pt. 1)

The article presents the results of an empirical study of symbolically mediated social understanding in persons who have committed offenses. The experimental technique included several tasks: understanding literary texts, the test «Reading a mental state by sight», understanding social situations using the «Strange Situations» technique, and a task to determine the dominant type of attitude to symbol awareness. The quasi-experiment method was used, which involves a comparison and qualitative and quantitative analysis of the responses of the experimental ($n = 35$) and control ($n = 35$) groups aged 20–40 years. Direct significant connections between all tasks of the experimental methodology are revealed. Statistically significant differences were found between all groups for all tasks.

Key words: social understanding, symbolic mediation, theory another consciousness, disadaptation.

Введение

Социальное понимание – новая междисциплинарная область исследований, возникшая в конце XX в. как синтез ряда направлений: аналитической эпистемологии, философии сознания, когнитивной психологии, нейронауки. Социальная обусловленность повседневной жизни подталкивает нас к пониманию Другого, мы осознаем, что другие люди являются субъектами, чье

поведение определяется их личными целями. В ходе психического развития человек в процессе социализации овладевает аккумулярованными культурными формами, средствами общественной деятельности, усваивает их нормы и мотивы. Культурно-исторический опыт, фиксированный в знаковых системах, будучи включенным в деятельность субъекта, опосредует развитие его личности. Как писал А. Н. Леонтьев, «индивид не имеет языка, выработанного им самим значений, опознавание им явлений действительности может происходить только посредством усвоения извне готовых значений» [1, с. 154].

Научный руководитель – Алексей Михайлович Поляков, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и медицинской психологии Белорусского государственного университета

Выделение символического смысла возможно при высоком уровне развития символической функции. Символически опосредствованное социальное понимание позволяет понять, что у других есть уникальные убеждения, желания, которые, в свою очередь, отличаются или похожи на наши собственные, что мы получаем возможность предугадывать и понимать чувства и эмоции других людей, можем ставить себя на место другого, видеть себя со стороны. Символизация субъектной реальности значима для восприятия мира других людей, самого себя, для умений найти сходство или различие между собой и другими.

Нарушение символически опосредствованного социального понимания характеризуется неспособностью регулировать внимание другого человека, существенным затруднением в подражании, опознавании эмоционального состояния у других людей, неспособностью определить намерения говорящего, распознать обман и обманывать, а также справиться с тестами, где необходимо догадаться о намерениях и чувствах других людей.

Ю. М. Антонян утверждает, что личность, совершившая правонарушения, отличается от законопослушного гражданина нравственно-правовой спецификой [2].

Г. Г. Шиханцов отмечает, что правонарушители отличаются плохой социальной приспособленностью. У них наблюдается инфантилизм, необдуманность, эмоциональная незрелость, нарушен нормативный контроль, вследствие чего оценка социальной ситуации происходит не с позиции нравственности, а исходя из личных переживаний и обид [3]. Правонарушителям свойственны нарушения в сфере общения: неспособность установить контакты с другими, неумение встать на точку зрения другого, посмотреть на себя со стороны [3].

В работе «Психология преступника и расследование преступлений» Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев и В. Е. Эминов говорят о взаимосвязи противоправного поведения и социальной дезадаптации. Психологическая депривация при отсутствии компенсации во взрослом возрасте приводит к дезадаптации и отчужденности. В своей позиции в детерминации совершения преступления отчужденностью авторы выделили следующие аспекты: отчуждение затрудня-

ет усвоение человеком норм, регулирующих межличностные отношения; отчуждение личности на раннем этапе развития, когда родители не способствуют социализации ребенка, не научают взаимодействию в обществе; личные особенности, которые характеризуются уходом личности в себя, отсутствие эмпатии, обособление от других, неумение чувствовать эмоции другого человека [2, с. 33–34].

Следует отметить ряд исследователей, занимающихся изучением социального понимания.

А. И. Мелехин изучал социальное понимание у лиц пожилого возраста и пришел к выводу, что социализация нарушается вследствие трудностей в запоминании и распознавании лиц, эмоции распознаются лучше при высокой интенсивности, наблюдался феномен ложной эмоциональной атрибуции [4].

Е. Е. Румянцева отмечает, что снижение социального функционирования и снижение социального познания, к которому относится социальное понимание, являются явными признаками людей, больных шизофренией [5]. Коммуникативные аномалии возникают по причине того, что социальное понимание нарушается, задания на социальное понимание лица, имеющие указанный выше диагноз, выполняют хуже, чем здоровые ровесники.

В то же время Е. Е. Румянцева рассматривала модель психического состояния у женщин с депрессией. Она выделила, что женщины, больные депрессией, хуже понимают тексты, где необходимо распознать ложь (по результатам прохождения теста «Чтение психического состояния по взгляду», RMET). Они хуже дифференцируют состояние человека по глазам, воспринимают пессимистично как себя, так и окружение [6].

Я. К. Смирнова установила, что «у детей с нарушением слуха схож дефицит социального понимания с дефицитом детей с аутизмом» [7]. Она выявила наличие у таких детей недостатка перцептивного компонента модели психического состояния. Этот недостаток заключается в приписывании другим эмоций и состояний, основываясь только на выражении лица и глаз при игнорировании других их выражений. У детей оказался не сформирован механизм, ко-

торый позволил бы интерпретировать смысл полученной информации через жесты, мимику.

Р. А. Туревская и А. А. Пленсковская исследовали понимание ментальных состояний у детей, больных аутизмом. Они пришли к выводу, что дети с аутизмом хуже справляются с заданиями на понимание иронии, ложных ожиданий, метафор, наме-рений, символического смысла. Понимание ложных ожиданий связано с пониманием мыслей и чувств другого человека, а пони-мание намерений других людей – с пони-манием чувств [8].

Недостаточность абстрактного мыш-ления, которое влияет на познавательные процессы, приводит к сниженной способно-сти воспринимать правильное понимание пословиц и метафор. Так, Н. Мак-Вильямс в книге «Психоаналитическая диагностика» приводит пример пациентки, больной шизо-френией. Во время оценки психического состояния, способности к абстрактному мышлению пациентку просили объяснить смысл пословицы «Лучше синица в руках, чем журавль в небе», на что она давала за-ученный ранее ответ, т. е. самостоятельно объяснить не могла [9, с. 98]. Пограничные пациенты, у которых наблюдается недоста-точность абстрактного мышления, не могут описать собственную личность, не умеют «ментализировать», демонстрируют недоста-ток «рефлексивной деятельности» [9, с. 102].

В представленном выше обзоре у раз-ных категорий детей и взрослых фиксиро-вались симптомы, выступающие маркерами нарушений символически опосредствован-ного социального понимания. Систематиза-ция и обобщение этих симптомов позволя-ют составить целостную картину поведения человека с нарушенным символически опо-средованным социальным пониманием и применять ее к ранее не исследованным ка-тегориям, в частности к правонарушителям. При этом речь идет именно о лицах, склон-ных к неоднократному совершению пре-ступлений или правонарушений, когда та-кое поведение становится нормальным для данной категории людей. В изучении пси-хологических особенностей правонаруши-телей особое внимание уделяется мотиву и цели совершения деяния: как человек это оценивал, что думал, что предвидел, т. к. его действие носит антиобщественный харак-

тер. Мотив и цель у правонарушителей ориентируются на ситуацию «здесь и сей-час» по воле чувств. Оценка событий, пове-дения других людей, оценка своего поведе-ния и принятие решений происходит под воздействием аффекта [10, с. 47]. Лица, склонные к совершению правонарушений, не могут добиться признания, успеха соци-ально допустимым способом, поэтому фру-стрированные потребности могут прояв-ляться в виде вымещения злобы на других людях, снятии напряжения путем замеще-ния, ложном утверждении себя через уни-жение и игнорирование чувств другого. Следует также отметить, что правонаруше-ния часто сочетаемые. Семейно-бытовые скандалы сопровождаются алкоголем, упо-требление которого, в свою очередь, сопро-вождается хищением чужого имущества и вовлечением в противоправные действия несовершеннолетних детей.

Определенные маркеры нарушений символически опосредствованного социаль-ного понимания обнаруживаются и в непо-средственном взаимодействии с правонару-шителями. При беседах с лицами, привле-кавшимися к ответственности по семейно-бытовым скандалам, наблюдаются явные трудности при описании чувств пострадав-шей стороны. Например, супруга одного из привлеченных в результате домашнего скандала, испугавшись за сохранность сво-ей жизни, выпрыгнула из окна 3-го этажа. Пытаясь аргументировать поведение жен-щины, супруг ссылаясь на ее глупость, а не на описание эмоций страха, предположений о том, что в ее мыслях он мог убить ее в по-рыве гнева. Иначе говоря, он не сумел опи-сать эмоции супруги в тот момент и ее ин-терпретации совершаемых им действий.

Аналогичный недостаток понимания эмоциональной сферы наблюдается и у лиц, совершающих кражи. Свои поступки они описывают как «просто захотел», «еще зара-ботает», не осознавая, что другой человек может огорчиться, увидев пропажу, или по-нести финансовую ответственность за «недо-стачу» товара.

Представленные теоретико-эмпириче-ские данные позволяют предположить, что лица, склонные к совершению правонару-шений, имеют черты, свойственные лицам с нарушением социально опосредствованного социального понимания, поскольку:

1) без возможности распознать эмоции, предугадать намерения других людей, идентифицировать себя с другим, распознать ложь, жесты, взгляды, мимику других будут наблюдаться существенные сложности в социализации и полноценном нормальном функционировании в обществе;

2) эти сложности социализации, неумение выстраивать социальные контакты, эмоциональная незрелость, нарушенный самоконтроль, неумение считывать невербальные каналы связи, невозможность ставить себя на место другого, прогнозировать свои поступки становятся причиной противоправных действий.

Организация исследования

С целью изучения символически опосредованного социального понимания у индивидов, совершивших правонарушения в период ранней взрослости, было проведено экспериментальное исследование.

Выборку составили 70 человек периода ранней взрослости. Из них 35 человек из экспериментальной группы в возрасте от 20 до 40 лет, неоднократно совершавших правонарушения по следующим статьям Кодекса об административных правонарушениях (КоАП) Республики Беларусь:

1) ст. 19.1 – мелкое хулиганство (оскорбительное приставание к гражданам, умышленные действия, нарушающие порядок);

2) ст. 19.3 – распитие алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива в общественном месте;

3) ст. 19.4 – вовлечение несовершеннолетних лиц в антиобщественное поведение (спайивание);

4) ст. 10.1 – умышленное причинение телесного повреждения и иные насильственные действия либо нарушение защитного предписания (семейно-бытовой конфликт); а также привлекавшихся по статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь:

5) ст. 107 – применение принудительного лечения к лицам, страдающим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией;

6) ст. 205 – кража;

7) ст. 11.1 – мелкое хищение.

В экспериментальную группу были отобраны лица, имевшие неоднократные привлечения, с целью исключения случайного совпадения.

Контрольную группу составили 35 человек, не совершавшие ранее правонарушений, в возрасте от 20 до 40 лет.

Методы и методика исследования

Для изучения символически опосредованного социального понимания у лиц, совершивших правонарушения, была разработана экспериментальная методика, состоящая из нескольких заданий.

Нами применялся метод квазиэксперимента, предполагающий сравнение и качественно-количественный анализ ответов испытуемых экспериментальной и контрольной групп.

Задание 1 связано с пониманием смысла коротких рассказов (Сэй-Сёнагон «Записки у изголовья» [11]). Выбор этих рассказов обусловлен малой известностью данного автора, краткостью произведений, репрезентацией в них сферы человеческих отношений и переживаний, потенциальной неоднозначностью возможных интерпретаций смысла описываемых историй. Все это позволило объективировать процессы символизации социального понимания субъективной реальности с помощью нарративов в рамках экспериментальной ситуации.

В качестве категорий для анализа были выделены: возможность определить символический смысл текста, умение создать метафору его смыслового содержания, умение привести пример из жизни, способность к смысловой децентрации.

Задание 2 направлено на изучение понимания социального контекста восьми коротких историй теста «Strange Stories Test» (Happé, 1994), а также соотнесение характеристик, намерений и переживаний их персонажей с крылатыми фразами и пословицами как разновидностью символических описаний. Испытуемым предлагалось прочесть короткие истории, связанные с социальным пониманием (истории, предполагающие понимание физических явлений и последовательности событий, не использовались).

Задание 3 было посвящено для оценки умения распознавать психическое состояние других людей. Для этого применялся тест Кембриджского Центра исследований аутизма «Reading the Mind in the Eyes Test» (RMET) в русской адаптации Е. Е. Румянцевой. RMET – экспериментальная методи-

ка, предложенная С. Бароном-Козном для изучения способности невербального распознавания внутренних состояний других людей по выражению глаз. В качестве стимульного материала используется 36 фотографий с изображением глаз людей различного возраста.

Задание 4 позволяет выявить доминирующую установку к осознанию символической реальности. Методика разработана А. М. Поляковым. Стимульным материалом выступают две картины: «Кувшин Ханны»

Т. Тайлера и «Девочка со скрипкой» Т. Бейкера [12]. Согласно инструкции, требуется выделить как можно больше различий и сходств между картинами, затем выделить главные различия и главные сходства. При анализе данных выделялись объектные, субъектные, ситуативные и целевые установки.

Для оценки различий между группами использовались меры различий (U-критерий Манна – Уитни и критерий углового преобразования Фишера).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Леонтьев, А. Н. Деятельность, сознание, личность : учеб. пособие / А. Н. Леонтьев. – М. : Изд-во полит. лит., 1975. – 304 с.
2. Антонян, Ю. М. Психология преступника и расследование преступлений / Ю. М. Антонян, М. И. Еникеев, В. Е. Аминов. – М. : Юристъ, 1996. – 336 с.
3. Шиханцов, Г. Г. Юридическая психология : учебник для вузов / Г. Г. Шиханцов. – М. : Зерцало, 1998. – 352 с.
4. Мелехин, А. И. Специфика модели психического в пожилом и старческом возрасте / А. И. Мелехин // Когнитивные исследования на современном этапе : материалы Всерос. конф. с междунар. участием по когнитив. науке, Архангельск, 19–22 нояб. 2018 г. – Архангельск, 2018. – С. 199–202.
5. Румянцева, Е. Е. Модель психического и нейрокогнитивное функционирование при шизофрении / Е. Е. Румянцева // Клин. и спец. психология. – 2015. – Т. 4, № 3. – С. 77–85.
6. Модель психического и ее особенность у женщин с депрессиями / Е. Е. Румянцева [и др.] // Психиатрия. – 2014. – № 2 (62). – С. 53–59.
7. Смирнова, Я. К. Особенности развития модели психического у дошкольников с нарушением слуха / Я. К. Смирнова // Клин. и спец. психология. – 2021. – Т. 10, № 2. – С. 124–144.
8. Туревская, Р. А. Развитие модели психического у детей школьного возраста с расстройствами аутистического спектра / Р. А. Туревская, А. А. Пленовская // Консультатив. психология и психотерапия. – 2021. – Т. 29, № 1 (111). – С. 112–131.
9. Мак-Вильямс, Н. Психоаналитическая диагностика. Понимание структуры личности в клиническом процессе : пер. с англ. / Н. Мак-Вильямс. – М. : Класс, 2021. – 592 с.
10. Фурманов, И. А. Криминальная психология [Электронный ресурс] : хрестоматия / сост.: И. А. Фурманов, И. Е. Метлицкий. – Минск : БГУ, 2018. – 270 с.
11. Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья : пер. с яп. / Сэй-Сёнагон. – М. : Худож. лит., 1975. – 368 с.
12. Polyakov, A. M. The Use of Symbols by Elementary Schoolchildren and Adolescents with Learning Disabilities as Tools of Awareness of Subjective Reality / A. M. Polyakov // Education and Self Development. – 2022. – Vol. 17, nr 1. – P. 110–119.

REFERENCES

1. Lieont'jev, A. N. Diejatiel'nost', soznaniye, lichnost' : uchieb. posobiye / A. N. Lieont'jev. – M. : Izd-vo polit. lit., 1975. – 304 s.
2. Antonian, Ju. M. Psikhologiya priestupnika i rassliedovaniye priestuplienij / Yu. M. Antonian, M. I. Yenikiejev, V. Ye. Aminov. – M. : Jurist, 1996. – 336 s.
3. Shikhancov, G. G. Juridichieskaja psikhologija : uchiebnik dlja vuzov / G. G. Shikhancov. – M. : Ziercalo, 1998. – 352 s.
4. Mieliekhin, A. I. Spiecifika modeli psikhichieskogo v pozhilom i starchieskom vozrastie / A. I. Mieliekhin // Kognitivnyje issliedovaniya na sovriemiennom etapie : materialy Vsieros. konf.

s miezhdunar. uchastijem po kognitivnoj nauke, Arkhangel'sk, 19–22 nojab. 2018 g. – Arkhangel'sk, 2018. – S. 199–202.

5. Rumianceva, Ye. Ye. Model' psikhichieskogo i niejrokognitivnoje funkcionirovanije pri shizofrienii / Ye. Ye. Rumianceva // Klin. i spiec. psikhologija. – 2015. – T. 4, № 3. – S. 77–85.

6. Model' psikhichieskogo i jejo osobiennost' u zhenshchin s diepriessijami / Ye. Ye. Rumianceva [i dr.] // Psikhijatrija. – 2014. – № 2 (62). – S. 53–59.

7. Smirnova, Ya. K. Osobiennosti razvitija modeli psikhichieskogo u doshkol'nikov s narushe-nijem slukha / Ya. K. Smirnova // Klin. i spiec. psikhologija. – 2021. – T. 10, № 2. – S. 124–144.

8. Turievskaja, R. A. Razvitije modeli psikhichieskogo u dietiej shkol'nogo vozrasta s rasstrojstvami autistichieskogo spiektra / R. A. Turievskaja, A. A. Plienovskaja // Konsul'tativ. psikhologija i psikhotierapija. – 2021. – T. 29, № 1 (111). – S. 112–131.

9. Mak-Vil'jams, N. Psikhoanalitichieskaja diagnostika: Ponimaniye struktury lichnosti v klinichieskom processie : pier. s angl. / N. Mak-Vil'jams. – M. : Klass, 2021. – 592 s.

10. Furmanov, I. A. Kriminal'naja psikhologija [Elektronnyj riesurs] : khriestomatija / sost.: I. A. Furmanov, I. Ye. Mietlickij. – Minsk : BGU, 2018. – 270 s.

11. Sej-Sionagon. Zapiski u izgolov'ja : pier. s jap. / Cej-Sionagon. – M. : Khudozh. lit., 1975. – 368 s.

12. Polyakov, A. M. The Use of Symbols by Elementary Schoolchildren and Adolescents with Learning Disabilities as Tools of Awareness of Subjective Reality / A. M. Polyakov // Education and Self Development. – 2022. – Vol. 17, nr 1. – P. 110–119.

Рукапіс наступіў у рэдакцыю 13.03.2024